5-й ГОД ИЗДАНИЯ № 36 ЦЕНА 15 КОП.

СМЕХАЧ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

СЕНТЯБРЬ МОСКВА, Редакция: Тверская, 28 ● Телефон редакции 3-43-56 ● Контора: Солянка, 12, Дворец Труда. 1927 ГОД

УРОК ИСТОРИИ

Рис. А. Радакова

Из рабочей партии Англии исключили союз учителей.

Из газет

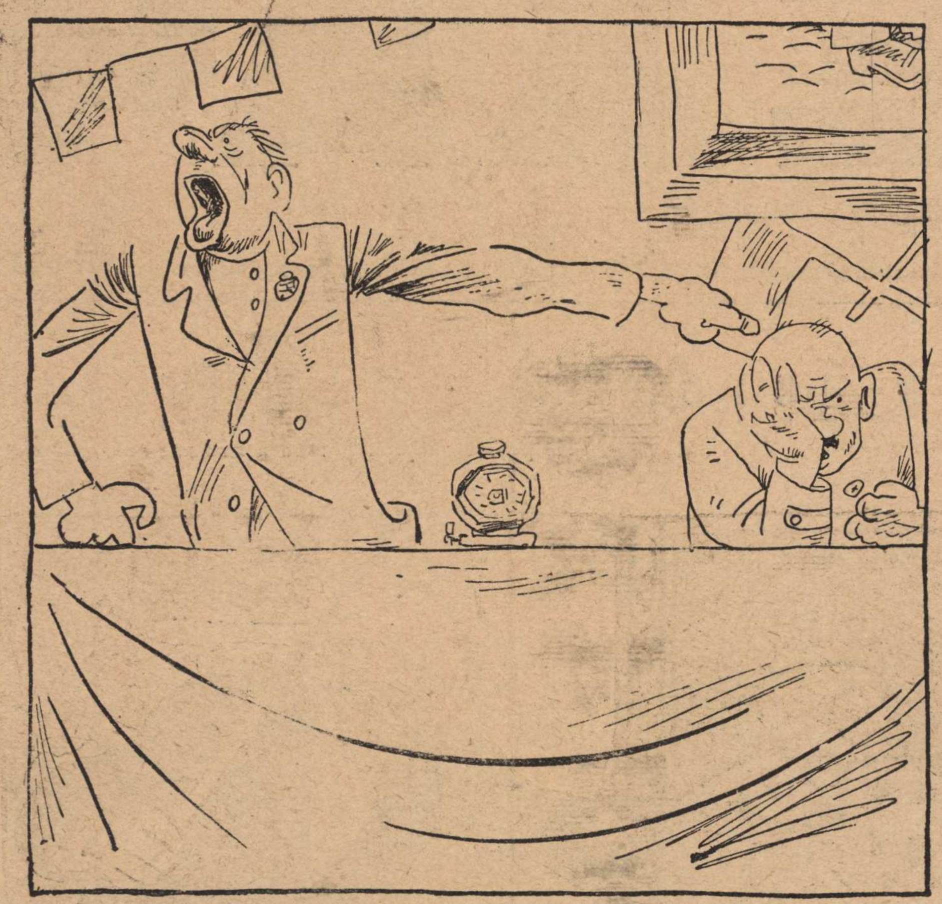

МАКДОНАЛЬД: — Извольте выйти!

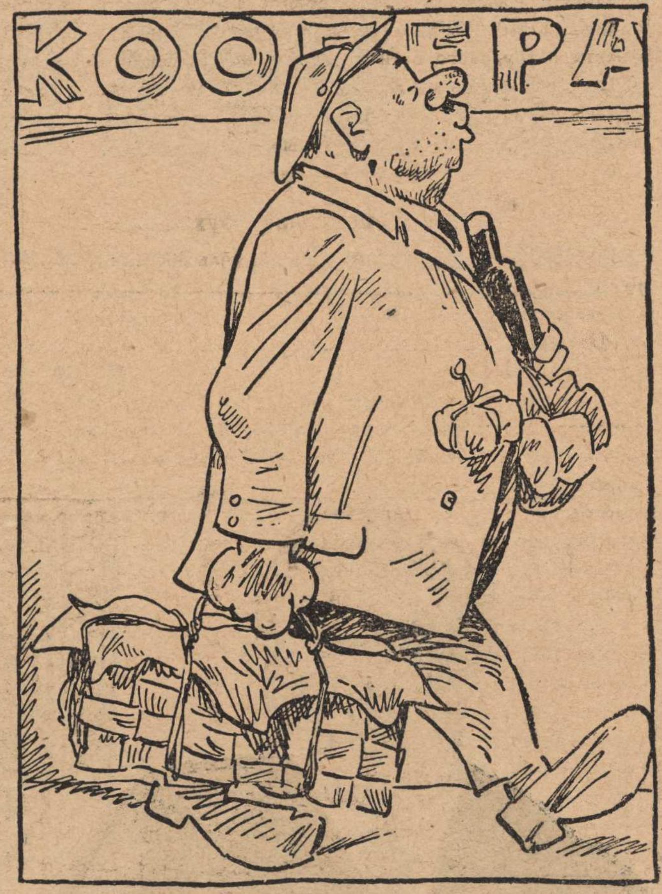
УЧИТЕЛЬ: — Хорошо... Я вернусь во время большой перемены!

СТОЙКОСТЬ НАТУРЫ

Рис. Б Антоновского

Хотя на кооператора были нападки, —

он все вынос споко*но...

ЭПИГРАММЫ

ДВАЖДЫ ЧТО?

Автор „Луны с правой стороны", С. Малашкин, приступил к созданию девятитомной эпопеи — **„Две войны и два мира"**.

Из литературной хроники

„Война и мир"... Сюжет простой.
Но **„Две войны, два мира"**... Стой!
Скорее памятник чугунный!
Пред нами новый сверх-Толстой!
— Да нет! Малашкин... „Праволунный"!

Демьян Бедный

ПО ЛЕГЧЕ-БЫ!

Автор „Луны с правой стороны", С. Малашкин, приступил к созданию девятитомной эпопеи — **„Две войны и два мира"**.

Из литературной хроники

— Вали, Малашкин, милый друг!
Но все ж заране я предвижу,
Что от таких „двойных" потуг
Получишь ты... двойную грыжу!

Демьян Бедный

БЫЛ ТЕПЛЫЙ ВЕЧЕР

Был теплый вечер... Опять луна спокойно с высоты сияла. Дремали воды в реке. Таинственно шептались камыши. И было тихо все кругом.

Шел по уснувшим улицам деревни лесничий. В душе — покой, в кармане — ключ.

Свернул лесничий к конторе. Из окон глядела тьма. В лесу щелкал соловей.

Вынул лесничий ключ, открыл контору. Вошел и запер за собою дверь.

Где-то далеко в лесных болотах квакали лягушки. По небу полуночи плавали нежные облака. Лесничий подошел к кассе, открыл ее и вынул оттуда какую-то пачку...

* * *

Было прекрасное утро. Собрались граждане дер. Устье и написали письмо в губернский центр, в Новгород. В письме сообщили они, что вот лесничий такой-то расхитил народные деньги, имеет тяготение к мздоимству, пьянствует и вообще ведет себя непристойно.

В губернии положили на это письмо несколько цветных резолюций и отослали его за исходящим номером начальнику Кемецкой волостной милиции.

Начальник вызывал крестьян. Они еще раз подтвердили и даже что-то прибавили. Вызвали лесничего.

— Деньги в кассе брали?

— Нет. На что мне деньги? И так в кассе недостает.

— Почему не достает?

— Потерял. Имею, кажись, на это право?

— Пьянствуете?

— Кроме молока и пива, ничего в рот не беру. Имею я на это право или нет?

— Безобразничаете?

— На гитаре играю, а больше со мной никаких происшествий не случалось. Хочу — играю, хочу — нет.

На основании этого допроса был составлен протокол, гласящий:

„1927 г., февраля 15 дня, начальник Кемецкой волмилиции Плюхин, рассмотрев дознание по обвинению лесничего тов. Назарова в пьянстве, взяточничестве и отводе леса под распиловку обожаемым личностям из всего дознания усматриваю:

1) пить пиво т. Назаров имел право,

2) на гитаре играть то же,

3) молоко употреблять то же не лишается права,

4) деньги терять вполне может каждый гражданин.

За отсутствием состава уголовной преступности постановил: материал дознания направить в Новгородский Гублесотдел для сведения.

Начальник волмилиции Плюхин."

Был теплый вечер и т. д. Шел по уснувшим улицам деревни лесничий. В душе — покой. В кармане — ключ.

Вот так, как видите, все ходит и ходит. Когда же он сядет?..

Г. Рыклин

„ЯМЩИК, НЕ ГОНИ ЛОШАДЕЙ...“

СЕГОДНЯ мы выступаем с обвинением не против человека, а против лошади. Мы обвиняем честную трудовую лошадь в том, что она сбилась с верного трудового пути и ударилась в бюрократизм и волокиту.

Свое обвинение мы готовы подкрепить целым рядом фактов, рисующих причастность лошади к бюрократизму и волоките. Пусть эти факты мелкие, но они весьма характерные.

Итак, в чем мы обвиняем лошадь?

I. Лошадиная бухгалтерия

В Хабаровске, в главной конторе Дальлеса, для разъездов по городу имеется лошадь. Лошадь сию мы обвиняем в том, что она создала себе в дальлесовской бухгалтерии целое делопроизводство.

Для учета лошадиных расходов в бухгалтерии имеются следующие 12 параграфов:

1) Основное содержание кучера. 2) Сверхурочные. 3) Освещение конюшни. 4) Уборка и содержание конюшни. 5) Текущий ремонт помещения и инвентаря. 6) Возобновление мелкого инвентаря. 7) Содержание лошади. 8) Охрана труда: а) спецодежда, б) жиры, в) оградительные приспособления. 9) Начисление на зарплату (социальные расходы). 10) Накладные расходы на зарплату. 11) Амортизация. 12) Страхование.

Когда у дальлесовской лошади спросили, почему она развела такое большое делопроизводство, она с достоинством ответила:

— Скажите спасибо, что я интересуюсь только своими расходами и во имя режима экономии совершенно не „делопроизвожу“ доходов, которые я приношу Дальлесу..

Хотя эта аргументация дальлесовской лошади значительно смягчает ее вину, но, тем не менее, мы поддерживаем против нее обвинение в бюрократизме.

II. Лошадиная волокита

В волоките мы обвиняем трех лошадей Советской волости, Яранского уезда, Вятской губернии, которые весной прошлого года были отравлены... ветеринаром.

Владельцы этих лошадей — трое крестьян Советской волости — тогда же подали заявление в нарсуд. Нарсуд дело переслал помпрокурора. Помпрокурора — губпрокурору. Губпрокурор — губсуду. Губсуд — опять губпрокурору...

После четырех месяцев „хождения по мукам“ крестьяне потеряли из виду свое дело. Тогда они написали в Москву. Москва толкнула Вятский губисполком, губисполком — уисполком, уисполком — волисполком.

Волисполком вызвал крестьян и вместе с ними начал искать дело.

Прошло еще четыре месяца. Крестьянам сообщили, что прокурор передал дело старшему следователю. Ждали еще три месяца, а потом узнали, что дело к следователю и не посылалось.

Кто же, позвольте спросить, виноват во всей этой волоките?

Конечно же, „бывшие“ лошади!..

III. Лошадиная „преданность“

Безлошадник Александр Королев, из дер. Дудиха, Овсищенской вол., Тверской губернии, обзавелся, наконец, лошадкой. Радость в доме бедняка Королева по сему поводу была неописуемая. Вся семья не могла наглядеться на лошадку. Ухаживали за ней, холили и нежили ее.

А лошадка — нуль внимания на все это. Она чувствует, что не здесь ее призвание. Вот бы милиции послужить!..

И убежала лошадка от бедняка Королева.

Отправился Королев на поиски своей лошадки. Кинулся к прежнему владельцу ее. Сто сорок верст отмерил пешком туда и столько же обратно — нет лошади.

Домой Королев пришел усталый и больной. Здесь узнал, что лошадка поймана и доставлена в ясеневскую милицию.

Отправил Королев в милицию, за несколько десятков верст, свою жену.

В милиции встретили жену Королева довольно ласково:

— Лошадка? Да, лошадка, действительно, у нас задержана и отдана во временное пользование милиционеру Мельникову.

— Так вы отберите и отдайте мне...

— Как же. Обязательно отберем и отдадим. Только Мельников находится в поездке по волости, — вернется деньков через 6-7. Как вернется, так и получишь лошадку...

Королева выждала, пока вернулся из поездки милиционер Мельников и явилась в милицию.

— Несчастье с лошадкой случилось, — сообщили ей сочувственно в милиции, — загнал ее Мельников, сдохла.

И возвратилась жена Королева домой с пустыми руками. И снова остался Королев „безлошадником“...

А милиционер Мельников про лошадку Королева рассказывает:

— Хорошая была лошадка. Преданная. Как будто чувствовала, что служит милиционеру...

* *
*

Конечно, не все виновники — бюрократы. Так же, как и не все лошади причастны к бюрократизму, и если мы выступаем сегодня с тяжким обвинением против лошади, то только с той целью, чтобы доказать вредность бюрократизма вообще.

Помилуйте, мало ему людей, — так он еще и лошадей в помощь себе вербует...

— „Ямщик, не гони лошадей“. — Они обюрократились...

Гр. Львович

НАКОНЕЦ-ТО!

Рис. П. Радлова

— Ну, кажется, я почувствовал снижение цен...

ТЩЕТНАЯ ПРЕДОСТОРОЖНОСТЬ

Рис. Б. Антоновского

КАССИР: — Будьте свидетелями, товарищи. Я казенных денег при себе не держу. Все в банк вложил!

ПЕРЕПОЛОХ НА ПАРНАСЕ

Экспериментальным театром предположена постановка „Травиаты“—Верди. Оперу будет ставить Мейерхольд в плане „Ревизора“.

Парнасцы воют диким боровом:
Биомеханики герольд,
Что значит: в плане ревизоровом
Даст постановку Мейерхольд?
Послав к чертям архитектонику,
Свистя дроздом и лая псом,
Альфред ли будет под гармонику
Ходить по сцене колесом?
Отец ли с видом благородственным,
Но впав в стремительный психоз,
Устроит в плане производственном
Свое именье, как совхоз?
Иль Виолетта, руки тиская,
Ревя на весь Эс-эс-эс-ер,—
Пойдет со срочною запискою
В туберкулезный диспансер?
Что делать с гениальным норовом?
Конец Тристанов и Изольд —
Уж если в плане ревизоровом
Даст постановку Мейерхольд!
И потеряв свой облик щеголя:
— Товарищ! Классик! Подтверди! —
Рыдает на плече у Гоголя
Обескураженный Верди.

А. д'Актиль

ЖУТКАЯ СТАТИСТИКА

— В нашей пивной ежедневно бьется около двухсот кружек.
— Сколько же это на голову приходится?

ДРУГ РАДИО

— Как было бы хорошо, если бы этот доклад передавали через клубный громкоговоритель.
— ?
— Он у нас уже год, как не работает.

КООПАСТРОНОМИЯ

— Папа! Почему эта кооплавка называется „Красная Звезда“? У нее такой хвост, что она похожа скорее на „Красную Комету“.

ВЕЛИКИЙ ПОРЫВ

Я люблю энергичных людей. Не любить их нельзя. Верьте слову. Посмотрите, посмотрите, вот идут двое. Один — рыхлый тридцатилетний мужчина с сонным лицом, в мягкой шляпе и с дурацкой кляксой волос под нижней губой. Посмотрите, как вяло он передвигает ноги, какая зверская скука перекосила его гладкую морду. Вглядитесь — ему скучно есть, скучно спать, скучно работать, скучно жить. Но зато рядом с ним несется, подпрыгивая, личность, при виде которой даже грудному ребенку становится ясным, что личность эта — энергия, порыв, смерч... Посмотрите, как небрежно с'ехала кепка на затылок личности, как личность, забежая вперед, вдруг останавливается и кричит на всю улицу: „Ты не прав, Никифор, и я сейчас тебе это докажу!“. Посмотрите, посмотрите — ведь это падающее с носа пенснэ, этот победно развевающийся галстук, эти острые колени — это сама жизнь, жизнь кипучая, полная порывов и ошибок, великих открытий и заблуждений, жизнь чертовски прекрасная во всех ее многогранных проявле...

Я люблю энергичных людей.

Товарищ Терпейский — мой сослуживец. Мы ежедневно сталкиваемся с ним в темном редакционном коридоре, жмем руки и расходимся по своим комнатам. В течение дня мы видимся не менее десяти раз. И каждая новая встреча все более и более убеждает меня в том, что Терпейский ни что иное, как большой, умело организованный, базисный склад энергии.

Терпейский—отличный журналист. Его фельетоны — резки, сжаты, образны и остры. Диалог — само совершенство. Быстрота работы — сногсшибательна.

Если бы меня разбудили ночью после товарищеской вечеринки и спросили бы: „Скажите, может ли Терпейский перевернуть гору?“,— я бы ответил: „Кто? Терпейский? Гору? Конечно, может!“

Однако, слушайте. То, что я вам сейчас расскажу,— сущая правда.

— Милый,— сказал мне как-то за обедом Терпейский,— ты не поверишь, но в бюрократизме меня больше всего возмущает косность языка. Я не ищу корней бюрократизма, я не хочу их искать, ибо я знаю, что в тот момент, когда официальные бумажки освободятся от затхлой казенщины, идущей со времен под'ячих допетровского времени,— бюрократизму придет конец. При виде бумажки, начинающейся словами „С получением сего“, я сатанею... О! Если бы мне пришлось перейти на административную работу, я бы показал им, как нужно писать бумажки. Я бы по-ка-зал!..

Верьте — не верьте, но в этот же день Терпейский был назначен главой некоего административного учреждения. Как нарочно.

* * *

Терпейский пришел в свой кабинет, сорвал плакат „Без доклада не входить“ и сел за письменный стол.

— Вот, товарищ заведующий,— почтительно сказал начканц,— подпишите бумажку.

Терпейский прочел и побагровел.

— Это что такое? — загремел он.

— Б-б-бумаж-жка.

— Прочтите.

Начканц прочел:

— „Начальнику сортировочно-методического отдела. Лично. Срочно. Сов. секретно. На № АМДЦ 85/315/000/83/У. С получением сего настоящим извещаю (зачеркнуто) имею известить вас на предмет присылки, начиная с сего квартала, отчетных сведений в порядке, указанном в пункте Б соответствующего циркуляра, каковые таковые помянутые отчетные сведения надлежит неукоснительно в кратчайший срок представить на распоряжение, о чем вы сим извещаетесь для сведения.

Приложение: без приложения. Зачеркнутому „извещаю“ — не верить“.

Терпейский бешено затопал ногами. Потом успокоился.

— Дайте бумажку,— сказал он,— я исправлю.

Оторвав по старой журналистской привычке узенький листок бумаги, Терпейский минуту подумал и быстро стал строчить.

— Вот. Бумажка. Читайте.

Начканц трясущимися руками протер очки и принялся читать:

— „Дорогой начальник сортировочно-методического отдела! Есть такая поговорка — „Чем дальше в лес, тем больше дров“. Так и у вас получилось с отчетностью. Мы вам бумажки пишем, а вы, извините, чепуху присылаете. Так вот, дружище, как получите нашу бумаженцию, сейчас же пишите отчет по пункту Б (Увы! Менее банально выразиться не могу!) и гоните нам, чем скорей, тем лучше. Ну, прощайте, милый. Кланяйтесь знакомым. Обратите внимание на то, что бумажку посылаю без номера. К чему это? Лишняя волокита. Верно? Ну, ну, не буду вас задерживать. Уваж. вас. Терпейский“.

Терпейский вытер платком потный лоб. Начканц почтительно удалился.

— Обломаем! — сказал в коридоре начканц обступившим его служащим,— и не таковских обламывали.

* * *

Прошел год. В редакции о Терпейском стали понемногу забывать. Только иногда вдруг кто-нибудь вздыхал и говорил:

— Эх! Нет Терпейского! Горячий был человек!.. Нет у нас после Терпейского хорошего фельетона.

Однажды, придя в редакцию, я был ошеломлен. За столом сидел Терпейский. Он стал гораздо солиднее, пополнел и завел под нижней губой эспаньолку.

— Здравствуйте, дорогой товарищ,— сказал он мне,— садитесь. Я вас слушаю. Ну-с. Покороче.

На лице моего друга застыла скука.

Я выбежал в коридор, сдерживая рыдание. От сотрудников я узнал, что Терпейский снова назначен к нам в редакцию.

— Ну, теперь опять будет у нас хороший фельетон...— говорили сотрудники неуверенно.

На другой день я развернул газету и ахнул. Под заголовком „Маленький фельетон“ было написано: „Сим имею известить вас на предмет появления помянутого фельетона, каковой таковой...“

Я не читал дальше. К чему?.. Обломали таки беднягу.

Я люблю энергичных людей.

Евг. Петров

ВСЮДУ ЖИЗНЬ

Многие дачи МОНО заняты совершенно посторонними МОНО лицами. На трех дачах МОНО не найдено ни одного ребенка.

Рис. А. Радакова

КОМИССИЯ (хором): — Какой прелестный ребенок!

„РАЗГОВОР СУМАСШЕДШИХ“

В пивных бутылках пряча взор,
Вполголоса, с улыбкой скрытной
Вели два типа разговор
Весьма и очень любопытный:
— „Ну и делов я натворил!..“—
Сказал один, мигнувши глазом:—
„Сегодня, знаешь, я родил
Не одного, а двойню разом!..“
Другой ответил:—„Браво, бис!
Да, это, безусловно, номер!..
Но у меня чудней сюрприз:
Представь, ведь я сегодня... помер!..“
Родящий муж... Живой мертвец...
Что тут? Безумия гримасы?..
Нет, это темненький делец
Пособье тянет из страхкассы...

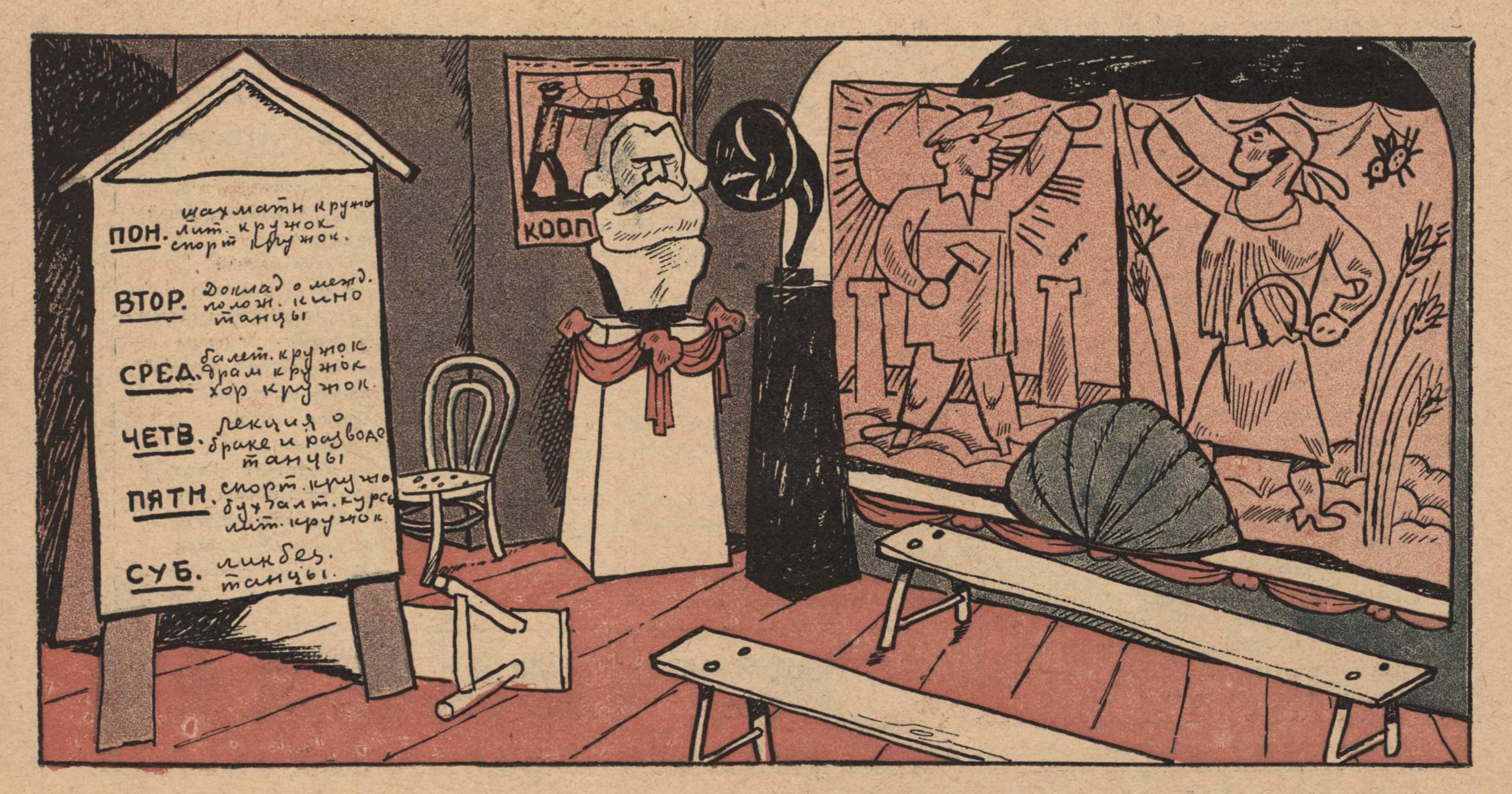
Аргус

ЛЕТНЯЯ КУЛЬТРАБОТА...

Рис. Ю. Ганфа

Кладбища летом превращаются в увеселительные места.

... НА ВОЗДУХЕ

... И В ЗАКРЫТОМ ПОМЕЩЕНИИ.

РАЗОЧАРОВАННОМУ ЧУЖДЫ...

Рис. А. Радакова

— Не понимаю, что в этой карусели интересного. Крутишься, крутишься, как в учреждении, и все на одном месте.

НУЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Был вечер.

Хрюкин ехал в Москву.

Когда в купе вагона явился контроль, пожилой, просто одетый пассажир настолько близко протянул перед глазами Хрюкина свой командировочный документ, что Хрюкин сразу заметил штамп учреждения, в которое ему предстояло явиться по личным делам.

— Удача! — подумал он: — Надо с этим типом познакомиться. По виду теперь не разберешь, зав он или не зав... Может, нужный человек! Оно не вредно расположить в свою пользу...

„Располагать“ он начал немедленно, посоветовав ложиться ногами к окну, чтобы не надуло.

Затем он спросил:

— Вы в Москву? Не служите ли вы в Южном синдикате?

И, получив утвердительный ответ, сказал с деланным удивлением:

— Представьте, у меня там как-раз дела! Очень приятно познакомиться. Хрюкин!

В ответ послышалось неясное бормотание.

— Было...

— Гм! Кто же это? Что за гусь? — задумался Хрюкин, перебирая в голове все знакомые фамилии из синдиката.

— Давно изволите служить? — спросил он.

— Давно. Все время там служу.

— Все время... — размышлял Хрюкин.— Может, это Бурлаков? Не бог весть какая шишка, но все же...

А вслух сказал, почтительно наклоняясь:

— Вас не побеспокоит, если я закурю?... Купе для курящих, но... я могу выйти в коридор...

„Нужный человек“ на это сказал просто:

— Зачем же? Я и сам курю.

— В таком случае... (Хрюкин і щил портсигар) не угодно ли?

— Можно! — просто согласился незнакомец, беря папиросу.

А Хрюкин, предупредительно чиркнув спичкой и держа ее на готове, размышлял насчет руки, разминавшей перед ним папиросу:

— Боже! Какие пальцы! Никакой породы, а между тем я, Хрюкин, может быть, завишу от резолюции, которую наложит эта корявая, как пень, рука...

Задымив папиросой, Хрюкин решил продолжать атаку. Он говорил о том, о сем и как бы вскользь — о себе, и уже через полчаса незнакомец знал о Хрюкине достаточно, чтобы понять, какой это замечательный, работоспособный, находчивый, порядочный — словом, незаменимый человек. Притом знал, так сказать, из „достоверного источника“.

И тут-то Хрюкин, улучив удобный момент, задал самый главный вопрос:

— А вы, собственно, какую должность занимаете в синдикате?

Незнакомец мог бы назваться директором,— это было бы восхитительно. Если б он оказался только зав. отделом — и тогда бы Хрюкин считал себя удовлетворенным.

Даже бухгалтер, делопроизводитель или помощник того или другого — не заставили бы Хрюкина пожалеть об энергии, потраченной на „расположение“, но он, этот незнакомец — подумайте, какова наглость?! — он просто, не стыдясь, сказал:

— Я? Да я там в сторожах. Восьмой год состою сторожем. Чего-с?

— Н-ничего! — ледяным тоном буркнул Хрюкин, передернувшись от неожиданности.

И ему сразу захотелось чем-нибудь досадить этому „ненужному человеку“, этому с...торожу.

Хрюкин свирепо посвистал, глядя в оконное стекло, за которым была чернильная темнота, затем перевел глаза на верхнюю полку.

— Э... послушай-те —...сказал он.— Это ваш чемодан? Подвиньте его, любезный. А то ведь, чего доброго, на голову брякнется! Нужно думать, куда ставить. Нельзя же так!

Затем он откинулся на спинку сиденья, закрыл глаза и стал думать о том, что через двадцать минут должна быть станция с буфетом.

„Этот сторож“ для него больше не существовал: он сразу стал таким же случайным и неинтересным, как все неодушевленные предметы в купе.

Но сторож, повидимому, был польщен и даже заинтересован завязавшимся знакомством.

Он вдруг кашлянул и спросил:

— А вы надолго в Москву?

— Чи-то? — спросил Хрюкин, делая вид, что не расслышал. — Еще целых пятнадцать минут до буфета... Какая скука!..

— Виноват...— снова послышался назойливый голос сторожа. Этот наивный дурак, повидимому, собирался продолжать „беседу“. Чорт знает, что! И что за порядок — давать сторожам билеты второго класса!

— Виноват... у меня к вам просьбица будет... Как вы с нашим начальником знакомы очень хорошо, то не замолвите ли насчет моего дела... Насчет пособия...

— Смешно! — злобно ухмыльнулся про себя Хрюкин. — Это, выходит, мы поменялись ролями: теперь он уже видит во мне „нужного человека“!

Хрюкин благородно округлил глаза и сказал четко, в ритм с колесами:

— Запомните, голубчик, что я принципиально никогда и ни за кого не замалвливаю словечек. Ведь это кумовство, а если память мне не изменяет, я у вас ни разу не октябрил детей! Не правда ли?

Изящным жестом Хрюкин вытащил портсигар, закурил и сунул обратно.

И тотчас решительно отвернулся к окну, давая понять, что аудиенция кончена.

Дождавшись буфета, он закусил и улегся спать.

* * *

Как громадно, шумливо и величественно здание Южного Синдиката! Сколько комнат, кабинетов, столов, машинок!

Каким беспомощно-маленьким казался себе Хрюкин, бегавший от стола к столу!

Ах, если бы у него здесь была „рука“! Если б в ту ночь в поезде он ехал с „нужным человеком“!

Хрюкину сказали, что его прошение на подписи у директора.

Он долго дежурил перед дверью, пока курьер сказал:

— Пожалуйте. Ваша очередь.

Вошел, дрожа от волнения, и остолбенел. И словно во сне услышал голос:

— Ах, это вы?

Да, это был он, Хрюкин. Так же, как и директор был тоже он — сторож из купе.

И они теперь смотрели друг на друга, снова поменявшись ролями.

— Ха-ха-ха! — добродушно захохатал директор: — Не ждали меня здесь увидеть? Правда, ведь, смешная история? Ха ха-ха! Чего же вы опешили?

Тогда Хрюкин решил тоже засмеяться, хотя смех его как-то не клеился.

— Хе-хе! Действительно, неожиданно. Хе-хе!

— Так вы, стало-быть, принципиально против кумовства? Похвально! Ну, и я тоже.

И „корявая рука“ (та самая!) четко вывела на прошении Хрюкина: „Отклонить“.

— Прощайте! Ха-ха-ха!

— Хе-хе! Честь име...

И Хрюкин выскочил из кабинета.

Ив. Прутков

ХЛЕБНОЕ ДЕЛО

Некоторыми московскими кооперативами продано частникам 200 тысяч пудов муки, в то время, как население стояло в очередях.

Из газет

Рис. Н. Радлова

— Что с вами?

— Да вот едва хлеб убрал, как почему-то начинают жать...

ЦВЕТОЧКИ И ЯГОДКИ

Рис. М. Черемных

— Что-же это вы каждый день — цветочки да цветочки носите?
— А ягодки после ревизии будут!

НИЧТОЖНЫЙ СЛУЧАЙ

В прошлое воскресенье подумал: уж август месяц, лето проходит и решил поехать за город — на травке поваляться и свежего воздуха перехватить. Только не пришлось. Когда втискивался в трамвай, какой-то человек сзади хотел меня отпихнуть, а когда это ему не удалось, он от злости укусил меня в плечо. В это время нас обоих кто-то сзади толкнул так, что мы вместе с ним ввалились в вагон и поехали. Я и говорю ему:

— Гражданин, зачем вы меня укусили?

— Я? Вас? Охота мне всякую дрянь кусать.

— Вы, говорю, не волнуйтесь, а укусили вы меня в плечо, когда мы лезли в трамвай.

Он глаза выпучил, кричит:

— Ты Анохой Глинчиковым не прикидывайся. А то у меня живо.

Тут кто-то из публики за меня заступился:

— Нет такого правила, чтоб кусаться!

— Безобразие, трудящийся едет отдыхать, а его кусают!

— Да кто его кусал! Врет он! Мошенник! Анохой притворяется! Да что я, зверь дикий или леопарда!

— Действительно, может, он врет, ведь никто не видал.

Стали и его защищать.

— А с какой же стати мне врать? Какая мне выгода!

— Правильно. Этого дела так оставить нельзя. Этак так каждый тебя начнет кусать. Какой же это порядок!

— Да я, товарищи, этого чорта паршивого и не думал кусать. Врет он, провокаторствует!

— Вы сами, говорю, провокатор. И за эти слова можете ответить.

— Да ты меня не запугивай! — кричит он, и опять обращается к публике:

— Граждане, да если каждый сукин кот пристанет к тебе, что ты его кусал...

Что ж тогда получится!

Тут я окончательно рассвирепел и сказал:

— Таких граждан, как вы, надо в клетку под замок сажать и за гривенник показывать.

— Сволочь ты, я на фронтах дрался, а ты меня будешь за гривенник...

— А ты зачем кусаешься? — закричала на него какая-то сочувствующая мне пожилая женщина.— Намедни кошка вот так тоже укусила детеныша. Вспороли ей живот и в кишках кошачьих нашли палки, камни...

— Да что вы сказки рассказываете. Этот гражданин нарочно сеет панику. Его бы в милицию отправить за такие дела и допросить, как следует.

— Идем, говорю, в милицию, идем.

Тут в наше дело вмешался кондуктор, на остановке дал свисток, пришел милиционер, и мы пошли в отделение.

— В чем дело? — спросил дежурный.

— Вот, говорю, собирался поехать отдыхать, а этот гражданин укусил меня в плечо.

— Документы!

Посмотрел он наши документы и говорит ему:

— Совестно, товарищ, кусаться! А еще член профсоюза! Вы что это, а?

— Да врет он, товарищ дежурный, не кусал я его. Честное слово, не кусал, зачем мне его кусать?

— А чтоб в трамвай попасть.

— А чем ты докажешь, что я тебя кусал, где твои свидетели? Где?

— А вы, действительно, чем обосновываете ваше заявление об укусе? — спросил меня строго дежурный.

— Вот чем! — говорю я, скинул толстовку и обнажил плечо.

И все увидали красноту и каемку от пяти зубов.

— Вот, говорю, след.

Тут это гражданин, который меня кусал, раскрывает свою голубятню и орет:

— Товарищ дежурный, — глядите: у меня в роте только два зуба и то нижние. А у него след от пяти. Может, его кто-нибудь и кусал, но не я.

— Правильно, — говорит дежурный, — рассердился и затопал ногами:

— Убирайтесь отсюда, пока я вас обоих не оштрафовал!

Ушли мы. А когда завернули в переулок, этот самый гражданин цоб из кармана жменьку фальшивых зубов и хлоп их на свои десна. Отбежал от меня, оскалил фальшивки и дразнит:

— Таких проходимцев не так еще кусать надо...

Так и не пришлось этим летом на травке поваляться.

Б. Левин

ИСЧЕРПЫВАЮЩАЯ МОТИВИРОВКА

Рис. Н. Радлова

— **Федр Иванович! По каким мотивам вы упорно не желали возвращаться в СССР?**

— **По любому мотиву из „Жизни за царя"!**

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

В номере 8 журнала для детей „Искорка" помещены следующие стишата:

> На лотках — картошки горы,
> Огурцы и помидоры,
> Стрелки лука и салат
> И редисок дружный ряд.
>
> А укропу и петрушки —
> Верхом полные плетушки.
> Свежим овощам всяк рад,
> Покупают нарасхват.

Эти стишата могли бы быть с таким же успехом предложены малолетним читателям и в 1627 году.

А легко можно было бы сделать эти строчки злободневными:

> Я большой пучок петрушки
> Приобрел за три полушки.
> Две копейки стоит хрен,
> Потому—сниженье цен!

*

Отрывок из „Записок примазавшегося" Л. Грабаря, напечатанных в восьмой книжке „Молодой Гвардии":

> 20 февраля. Встретилась, едучи на моторе, Роза Зухер. А она славненькая стала. Видно, выросла. Семенит быктро-быстро, попрежнему.

Ежели Роза Зухер **встретилась, едучи на моторе**, каким-же образом она в это же время „быстро-быстро семенила"?

Надо одно делать дело — или семенить, или ездить.

И не надо делать другого дела — ездить на... читателе!

*

А. Чачиков написал книжку восточных стихов под названием „Чай-Хане".

На странице 13-й этой книжки читаем:

> Скачут всадники у моря,
> Быстро **спешили коней.**

На ком-же эти их кони ехали?

Неужели — на всадниках?

А. Чачиков полагает, что еже и стихи — „восточные", то можно лошадку посадить на ездока.

Ознакомившись с книжкой восточных стихов Чачикова, можно сказать, что в ней не поэт сидит верхом на Пегасе, а Пегас — верхом на поэте...

*

Газета „Советский Статистик" (№ 3) высказывает чрезвычайно интересные мысли:

> Весьма **отличны способы самоубийств:** яд, огнестрельное оружие, сбрасывание с высоты часто употребляются в городе, тогда как **повешение и удавление веревкой или вожжей — наиболее частый способ в деревне.**

А мы по своей наивности полагали, что именно в деревнях самоубийцы выбрасываются с 27 этажа небоскреба!

К знаменитым афоризмам „Волга впадает в Каспийское море" и „Лошадь кушает овес" отныне присоединяется ничуть не уступающий им по стилю вышеприведенный афоризм, принадлежащий „Советскому Статистику"...

40 ЧЕЛОВЕК 8 ЛОШАДЕЙ

С сотрудников по гривеннику—секретарю уборная

В редакцию газеты „Красный Дагестан“ доставлена копия отношения секретаря Буйнакской прокуратуры, т. Горыченко, следующего содержания:

Тов. сотрудники прокуратуры, нотариата, нарследа и нарсуда!

В июне м-це с. г. НКЮ'ом ДССР закрыты кредиты на хозрасходы — 2 руб. в месяц,— благодаря чему я не имею возможности оплатить очистку „кабинета задумчивости“.

Принимая во внимание, что сотрудники вышеназванных учреждений пользуются этим кабинетом, прошу ниже поименованных т. т. внести по 12 коп. каждому.

С тов. приветом и благодарностью за выручку из критического положения на 1 руб. 20 коп.

Подпись: Секретарь Буйнакской прокуратуры *Горыченко.*

Было бы нецелесообразным ограничиться чисткой одного „кабинета задумчивости“. Хорошо бы заняться чисткой всего учреждения, в котором мыслимы вышеприведенные „отношения“.

Сколько лошадиных сил развивает папироса при курении?

Этот интересный вопрос ставит ребром журнал „Искра“ (№ 8):

Табак ведь есть такое же топливо, как уголь, дрова, торф, нефть. Куря папиросу, мы хотя об этом не думаем, но отапливаем комнату. Эта теплота может произвести некоторую работу, и следовательно папироса обладает известной мощностью, которую можно, конечно, измерять в лошадиных силах. Произведем соответствующий расчет.

В средних размерах папиросе табак весит 0,6 г. Если приравнять теплотворную способность горящего табака к теплотворной способности торфа (3000 мал. кал. на 1 г), то легко сосчитать, что табак папиросы, сгорая, даст нам 1,8 **бол. калорий тепла,** т.-е. этим теплом можно литр воды нагреть на 1,8°*Ц.*

В виду наступивших холодов, вопрос о бесплатном отоплении комнат становится актуальным.

Дрова кусаются и требуют специальных сараев; гораздо лучше ведут себя папиросы.

Курите — и тепло вам будет на свете!

Обрывая тоненькую нить...

Гитара прославлена многими поэтами. Мы тоже против гитары ничего не имеем. А ежели у нас имеются некоторые возражения, то они направлены исключительно против т. Сопунова. Сей Сопунов является нарследователем в Арском кантоне (Татреспублика). Так вот...

Когда крестьяне с. Бимери пришли к нарследователю Сопунову с заявлением о растрате в артели „Голос“, нарследователь на грыва на гитаре, пел трогательный цыганский романс, а на сообщение о растрате не обратил никакого внимания.

Мы представляем себе такого рода картину:

Крестьяне. Здравствуйте товарищ нарследователь!,

Сопун в. „Прощай, ты „Новая Деревня“; прощай бы ь может, навсегда“.

Крестьяне. Слыхали, что делается в артели „Голос“?

Сопунов. „Слышен звон бубенцов издалека“...

Крестьяне. Там растрата большая!

Сопунов. „Эх, дни за днями катятся, сердце лаской тратится, обрывая тоненькую нить“...

* * *

Имеются сведения, что уже оборвалась тоненькая нить, связывавшая Сопунова с должностью нарследователя.

ОДН

В одной книжке, предназначенной для широкого распространения в деревне, мы нашли следующие, не лишенные остроумия строки:

С'езд закончен. Видимым осязательным отражением результата его работ останутся протоколы, резолюции—квинтэссенция всего, что здесь было сказано и намечено... Еще ценнее те незримые рефлексологические отложения, которые мы унесем отсюда.

А знаете ли, что это за книжка? Отчет псковского губсовета о-ва „Долой неграмотность“.

* * *

На обложке большими буквами обозначено:

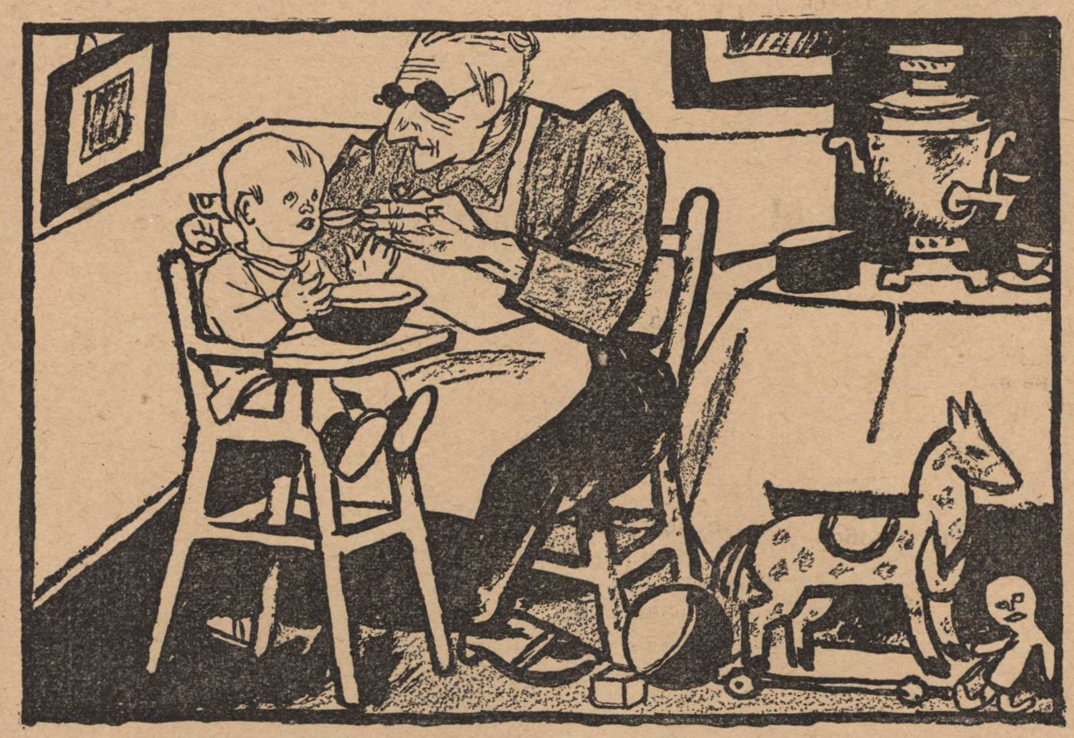
— ОДН.

В приложении к вышецитированному отчету эти три буквы должны означать:

— Ой, дальше невозможно!

ПАПА-БЯКА

Рис. И. Малютина

— Ну, деточка, ешь! Ну, с'ешь за маму. С'ела? Ну, теперь с'ешь за тетю Надю. А теперь за бабушку.

— А за папу?

— За папу не надо: он в этом месяце не прислал алименты!

Издатель — „ГУДОК“

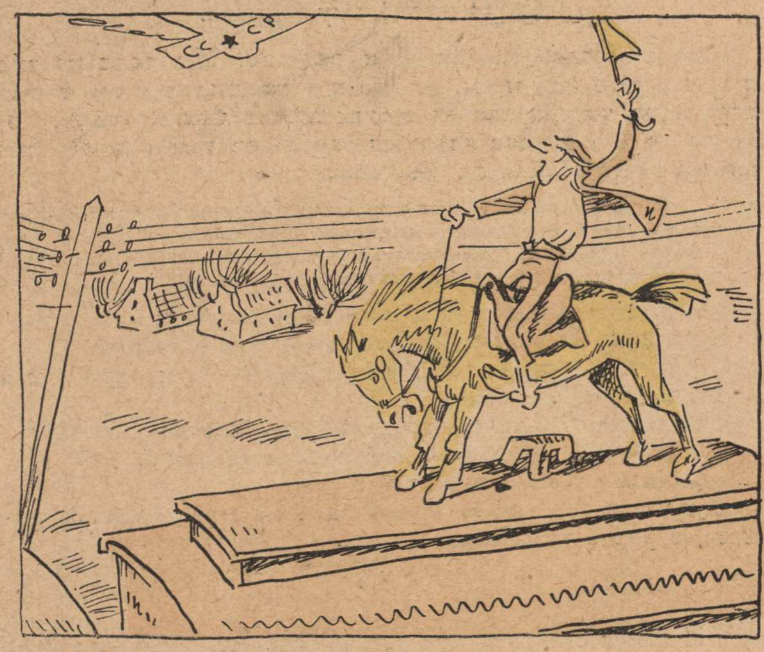
Отв. редактор—**И. Н. Пирогов**

Главлит № 96.339. Отп. в 7-й типографии „Искра Революции“ Мосполиграф. Москва, Арбат, Филипповский пер., д. 11. Тираж 110.000 экз.

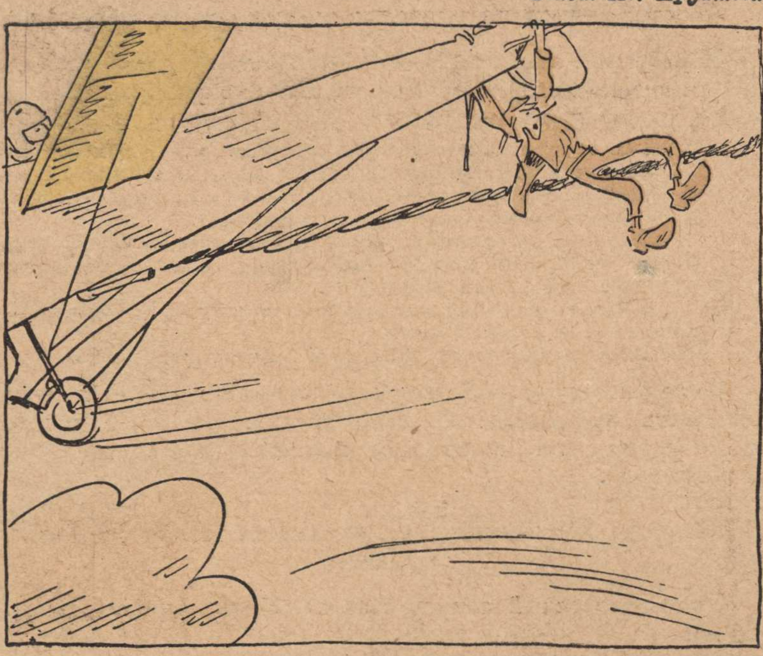
ЕВЛАМПИЙ НАДЬКИН ПРИБЫВАЕТ В ПАРИЖ

Рис. Б. Антоновского

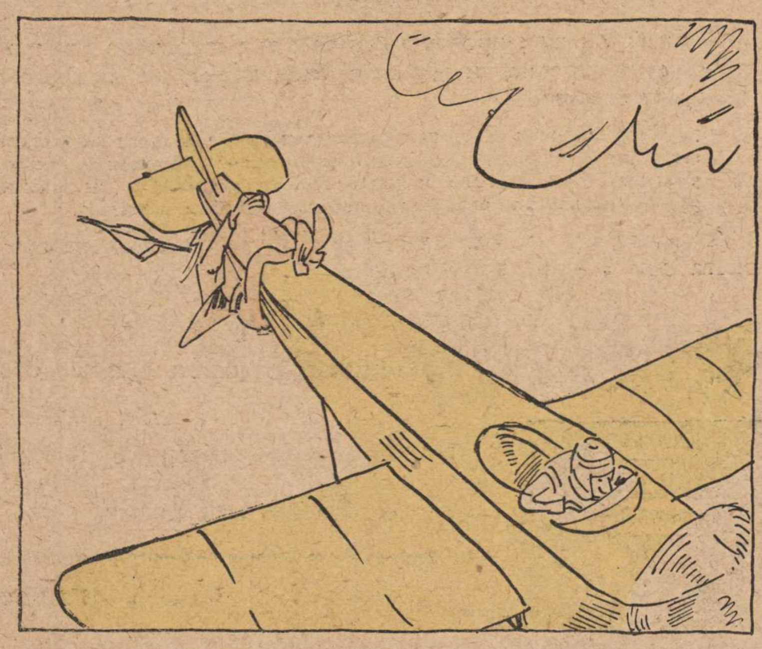
Текст Ив. Прутткова

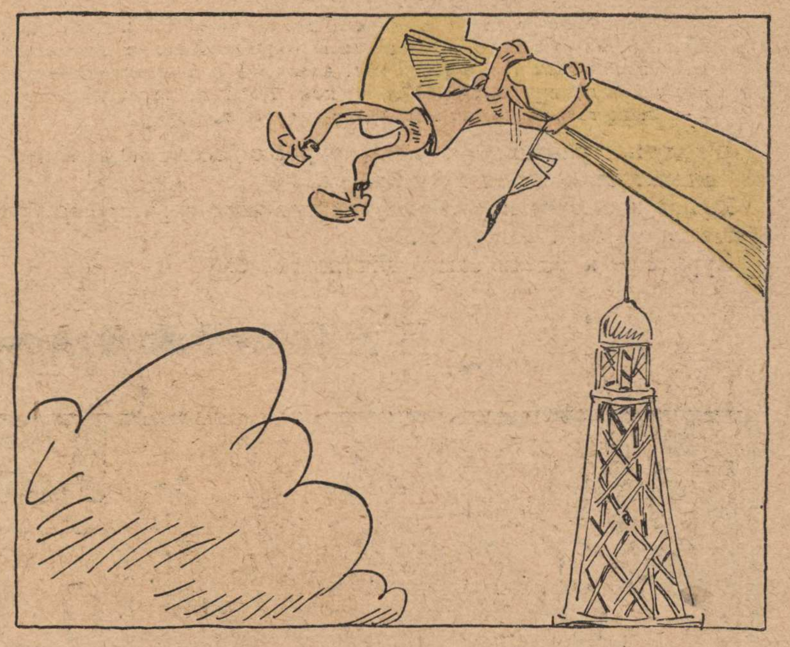
1. Узрев аэроплан, в момент
Зашевелился „монумент“:
Зонтом он подает сигнал,
Чтоб летчик вниз машину гнал.

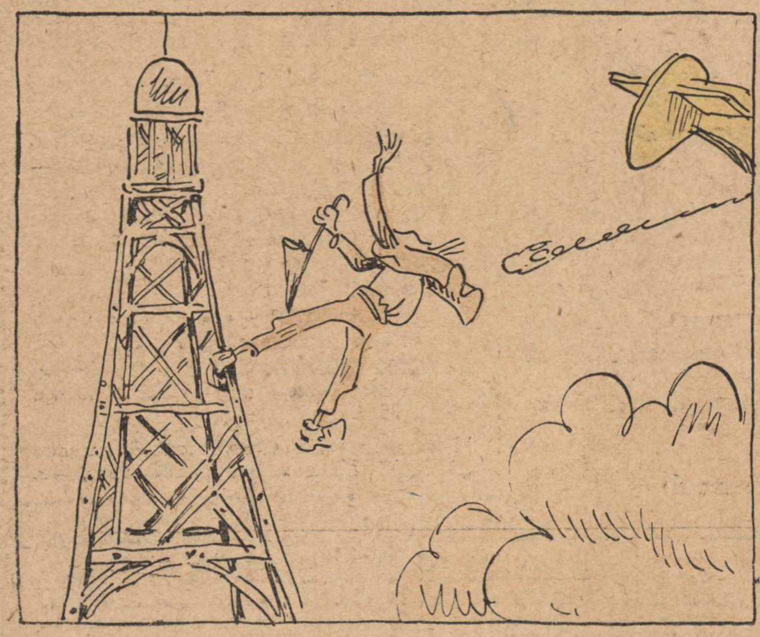
2. Евлашин план, как палец, прост:
Аэроплан поймав за хвост,
Вцепился Надькин, словно мышь,
И приказал: „Вали в Париж!“

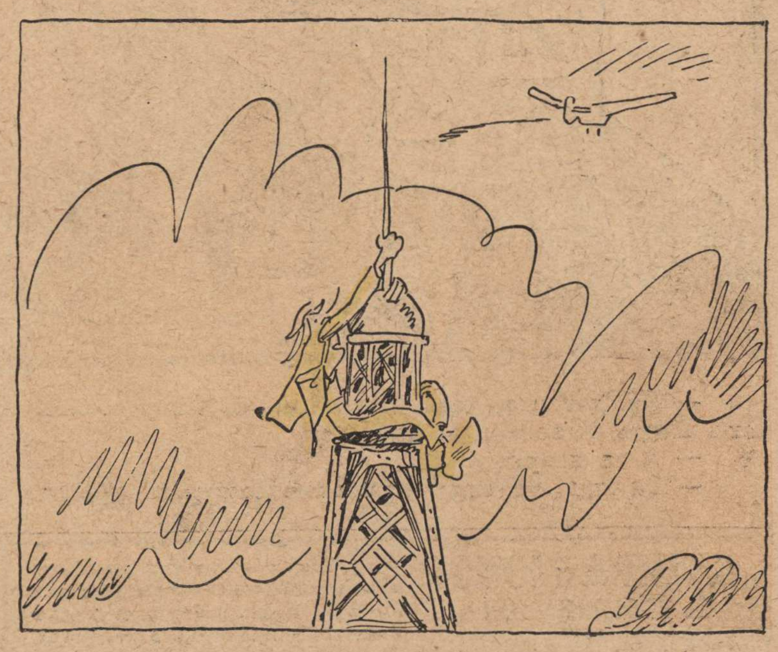
3. Остался конь без седока...
Седок исчез под облака —
Летит и думает тайком:
— „Ах, не продуло-б сквозняком!..“

4. Но не успел сквозняк продуть,—
Уже к концу подходит путь,
И башню Эйфеля вдали
Уже видать поверх земли.

5. Все ближе башня... ближе... Кр-р-рак!!!
Стропила зацепил башмак...
Евлампий, крикнув: — „Пардоне!“, —
Висеть остался в вышине.

6. Висит на башне наш герой.
А я, читатель, той порой
Повествованье сборву
И про Париж начну главу.